

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Избр. работы / Л. Витгенштейн. – Москва: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 292 с.
2. Изба-читальня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chitalnya.ru> – Дата доступа: 01.02.2012.
3. Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru> – Дата доступа: 01.02.2012.
4. Термитник.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.termitnik.ru> – Дата доступа: 01.02.2012.

«РУСЬ» – ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Л.М. Вардомацкий

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машиерова»

Исторические судьбы восточнославянских народов по субъективным и объективным причинам часто меняли свои векторы. Но глубинные общие корни позволяли выдерживать выпадавшие на их долю трагические испытания в прошлом и дают возможность говорить о позитивных тенденциях совместного развития в будущем. Эта глубинная общность наилучшим способом проявляется в языках. Поэтому изучение отраженности в языках исторических событий, фактов, названий дает возможность понять истоки и смоделировать перспективы развития народов. «В научной среде не прекращаются попытки предать забвению славянские корни белорусского народа, растворить наше прошлое в истории как Польши, так и Литвы», – подчеркнул президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и научно-педагогическим работникам 07.02.2012 г. Поэтому изучение различных особенностей истории формирования и взаимодействия языков – задача актуальная как для языкознания, так и для других сфер гуманитарных знаний.

Цель настоящей работы – определение истоков общности различных языковых форм русского и белорусского языков, причин, путей и тенденций их развития.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили памятники письменности Витебско-Полоцких и Смоленских земель, свидетельства древнерусских, западнославянских и европейских общественных деятелей, летописцев, в том числе грамота полоцкого и витебского князя Герденя (1264 г.), грамота княгини Ульянии (около 1377 г.), польского языковеда XVI века М. Бельского, итальянца А.Гваньини, бывшего в первой половине XVI века комендантом Витебска и составившего большое количество заметок о Руси того времени и о «русском» языке, акты Витебского земского суда (XVI век) и ряд других текстов, подвергнутых сравнительно-историческому анализу.

Результаты и их обсуждение. Изучение памятников древнерусской письменности является единственной возможностью познания происхождения тех или иных традиций, обычаев, названий, являющихся частью нашей сегодняшней жизни. Среди таких мало изученных – и основополагающие понятия, как Русь, русский язык, Белая Русь, белорусский язык.

Длительная история изучения этнонима и названия территории «Русь» не привела к единству его понимания. Существующие гипотезы предполагают в этом слове славянские, древнерусские, готские, шведские, иранские, яфетические

корни. На наш взгляд, для приближения к ответу на этот вопрос необходимо определить изначальные территории закрепления названия. Многие исследователи, изучающие эту проблему, исходят из определения расселения этноса. В таком случае исследование наталкивается на недостаток задокументированных указаний на а) принадлежность названия конкретному этносу, б) территорию расселения этноса. Возникает опасность умозрительных заключений, субъективизма, чем и объясняется существование большого количества гипотез.

Более перспективным представляется исследование комплекса имя – десубстантивное образование (Русь – русский), частотность которого в памятниках письменности значительно возрастает.

Относительно субстантива. Рядом ученых (Г.А. Хабургаев, А.А. Шахматов) давно было замечено, что «словообразовательная структура названия «русь», «тождественна структуре собирательных этнонимов, заканчивающихся на смягченный конечный согласный: *водь, корсь, либь, чудь, весь, перь, ямь, сумь* и др.». Это наблюдение предполагает финно-угорское происхождение слова. Однако этимологию слова «русь» с помощью финно-угорских языков установить не удалось, в результате чего ученые не смогли принять эту теорию. Между тем, обратим внимание, что в наименованиях представителей различных финно-угорских этносов, – шведов, норвежцев, финнов – исходя из словообразовательного анализа, находим все тот же элемент (варианты), что и в слове Русь (рось): *ruo(t), roo(t), ro(t)*. Ср. также в совр. Беларуси: река Рось, топоним Роский селец. В этой ситуации структурно-словообразовательное и фонетическое единство являются не менее убедительными, чем теоретическая этимология. И, следовательно, слово «Русь» действительно можно считать финно-угорским этнонимом близких северных соседей восточных славян, ассимилировавшихся с ними, но передавших свое название, распространившееся затем по известному торговому пути на юг: озеро Ильмень – Западная Двина – Верховья Волги – Днепр. И это подтверждается письменными источниками. Известно, что к началу письменной истории восточных славян (кон. X в.), и сами восточные славяне, и их соседи Русью называли обширную территорию от реки Волхов на севере до нижнего течения Днепра.

Относительно функционирования десубстантивного образования *русский*.

Название «русский» (русский язык) длительное время широко функционирует в своем первоначальном значении: в качестве названия языка территорий ранних древнерусских земель (по оси Новгород, Полоцк, Киев). Причем летописцы вполне определенно указывают на существование некоторых, хоть и незначительных, языковых отличий языка этих земель от западных и восточных соседей. Так, в «*Kronice świata*» («Хронике мира») 1551г. Мартин Бельский указывает на чрезвычайную близость «*русского, московского, сербского, чешского языков*» с польским языком того времени. Отметим отдельно: *русского, московского*. То есть для М.Бельского это разные языки. Приблизительно в это же время другой автор Александр Гваньини (итальянец, служивший польской короне, некоторое время был комендантом Витебска) указывает: «*Москва от Руси мало чем отличаются в языке, а Русь от поляков и мазуров*». (Подчеркнуто нами – Л.В).

И в этом объяснение такой языковой близости (если не идентичности) памятников письменности 11-14 веков, представляющих обширную территорию, объединенную осью Новгород – Витебск – Киев. Таким образом, термином «русский язык» обозначали язык всех восточных славян. Точнее говоря, русский язык этого времени представлял собой совокупность близких друг к другу первоначально племенных, а затем территориальных диалектов восточных славян. Различия между этими диалектами были, вероятно, настолько несущественными при

общении, что – интересный факт, на который мало кто обращает внимание – памятники письменности не донесли до нас ни одного указания летописцев или переписчиков на языковые различия Киевской, Полоцкой или, скажем, Новгородской Руси. Между тем, как указания на отличия от языка более восточных соседей неоднократны. Временные рамки этого общевосточнославянского языка можно условно определить с распада общеславянского единства – около VI в.н.э. – и приблизительно до начала XIV в.

Особый интерес для нас в этом плане представляют тексты, отражающие начальный период формирования белорусского языка и созданные на территориях Верхнего Придвинья и Приднепровья, поскольку, исследуя язык этих памятников письменности, мы исследуем исконный русский язык на его исконной территории. Среди таких документов, отражающий собственно русский (древнерусский, общевосточнославянский) язык грамота князя Гердея 1264 года, грамота полоцкого епископа Якова (около 1300 года), грамота княгини Ульянии (около 1377 г.), смоленская грамота 1229 г. и ряд других. Как видим, все они относятся к территории современного белорусско-русского пограничья.

Заключение. Таким образом, сравнительно-историческое изучение структурно-словообразовательных и фонетических особенностей слова «Русь» в совокупности с географией распространенности названия и свидетельствами древнейших текстов позволяет утверждать финно-угорское распространение названия на восточнославянскую территорию.

ОТГИДРОНИМНЫЕ ОЙКОНИМЫ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ ТОПОМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Т.Ю. Васильева

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Топоморфный код культуры, отражающий представления человека о географических реалиях, имеющих собственные имена, эксплицируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи ойконимных единиц, образованных от названий водных объектов, населённых пунктов, культовых сооружений. В основах подобных ойконимов содержится указание на топоним, относительно которого номинируется поселение. Цель нашей работы – выявление отгидронимных названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, служащих репрезентации топоморфного кода культуры.

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, представленные в нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» (Мінск: Тэхналогія, 2009). При анализе и статистической обработке материала были использованы описательный, сопоставительный, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Ойконимы, образованные от названий водных объектов, насчитывают 188 единиц (4% от общего числа ойконимов региона). Названия рек и озёр являются более древними и устойчивыми в сравнении с наименованиями населенных пунктов и широко используются в качестве ойконимов или как их основы, поскольку близость поселения к реке или озеру – важный признак номинации. Анализ фактического материала позволил выявить две группы онимов: 1) наименования, образованные от названий рек (64